

Глава 1. Обречённый на раннюю смерть

Тан Наньцзин был переводным учеником, с которым Ся Дуньи познакомился во втором классе старшей школы. Будучи выходцем из богатой семьи, он почему-то вырядился с ультрамодной причёской, и едва переступив порог класса, заставил всех учеников уставиться на него с отвисшими челюстями.

На тот момент Тан Наньцзину уже исполнилось двадцать лет. Три года он провёл в роли трудного подростка, и отцу стоило немалых трудов и денег вернуть его к учёбе и устроить в тот самый профильный класс, где учился Ся Дуньи. Ся Дуньи никогда не был примерным тихоней, но и к хулиганам особой симпатии не питал. Тан Наньцзин же, оказавшись его соседом по парте, живо заинтересовался им и принялся набиваться в друзья, без конца заигрывая и поддразнивая. Узнав о тяжелом финансовом положении семьи Ся Дуньи, Тан Наньцзин тут же помчался к своему отцу, боссу Тану, и уговорил того взять парня на обеспечение. Вдобавок босс Тан устроил на работу приемного отца Ся Дуньи, который по совместительству был его наставником в искусстве создания гу.

Благодаря упорному и неотступному вниманию со стороны Тан Наньцзина, от природы холодный и замкнутый Ся Дуньи в конце концов с ним сдружился.

Возможно, здесь и впрямь сыграла роль поговорка о тех, кто дружит с умными — подружившись с круглым отличником Ся Дуньи, Тан Наньцзин постепенно взялся за ум, и его оценки в табеле взмыли вверх. Ближе к выпускному классный руководитель даже сделал ему предсказание: в топовый вуз он, может, и не пройдет, но на второй уровень поступит абсолютно точно. Босс Тан радовался так, что три дня и три ночи не мог закрыть рот от умиления!

И классный руководитель вовсе не обманул босса Тана: когда пришли результаты экзаменов, Тан Наньцзин умудрился набрать проходной балл в один из весьма известных университетов первого уровня в Пекине. И пусть специальность оказалась довольно специфической и непопулярной, диплом был самым что ни на есть настоящим, и боссу Тану не пришлось тратить ни единой монетки или заводить нужные знакомства! Эта история позволила боссу Тану знатно покрасоваться в соцсетях. Старик даже специально разыскал Ся Дун И и заявил, что оплатит всю его учёбу в университете, а если тот решит поступать в магистратуру или ещё куда, пусть смело к нему обращается — он слова поперёк не скажет!

Эти деньги Ся Дун И не взял. Он всегда помнил наставления приёмного отца, зная, что за каждую услугу и каждую милость придётся расплачиваться, а больше всего на свете гуру гу боялись быть кому-то обязанными. За эти годы отец и сын и так получили от босса Тана слишком много помощи. На самом деле зарплаты приёмного отца, работавшего охранником в корпорации Тан, вполне хватало им на еду и кров, а для гуру гу такая жизнь была уже великим благом, и они чувствовали себя абсолютно довольными!

Поскольку они поступили в разные университеты, после окончания старшей школы Ся Дун И и Тан Нань Цзин постепенно потеряли связь, а вновь встретились лишь на втором курсе.

Ся Дун И до сих пор помнил, что это было накануне Первомая. Он как раз спешил на подработку, когда у ворот университета его окликнул Тан Нань Цзин с совершенно убитым видом и глубоко запавшими глазами.

Внешний вид Тан Нань Цзина сильно поразил Ся Дун И, но ещё больше его шокировало то, что Тан Нань Цзин подсел на наркотики и уже страдал сильной зависимостью.

В этот раз Тан Нань Цзин пришёл к Ся Дун И вовсе не для того, чтобы предаться воспоминаниям или излить душу, жалуясь на муки ломки. Он затащил Ся Дун И в кабинку караоке, включил оригинальную фонограмму песни, и под гремющую на заднем плане музыку Тан Нань Цзин вытащил из кошелька банковскую карту, сунул её в руки Ся Дун И и заявил, что знает: и тот, и его приёмный отец — гуру гу. Стоит только Ся Дун И напустить порцию гу на босса Тана и прикончить старика, как он тут же переведёт на эту карту сто тысяч юаней, едва получит наследство.

Безумное требование Тан Нань Цзина потрясло Ся Дун И до глубины души. Он понятия не имел, откуда Тан Нань Цзин узнал, что он гуру гу, но отлично помнил, сколько добра босс Тан сделал для них. И хотя ходили слухи, что гуру гу своенравны и начисто лишены морали, да и большинство из них действительно были именно такими, Ся Дун И крепко усвоил уроки приёмного отца и не собирался продавать свою совесть за какие-то жалкие сто тысяч!

Поэтому Ся Дун И тут же вернул банковскую карту Тан Нань Цзину в знак отказа и со всей серьёзностью принялся отговаривать его: оступиться не страшно, страшно совершать ошибку за ошибкой — когда увязнешь в грязи по самые уши, жалеть будет уже поздно!

Тан Нань Цзин не прислушался к искренним уговорам Ся Дун И. Когда карту вернули ему, его глаза налились кровью, и он уставился на Ся Дун И взглядом голодного зверя, от которого у того, несмотря на все навыки гуру гу, мороз по коже пошёл. К счастью, хотя лицо Тан Наньцзиня было ужасно искажено, он не стал чинить препятствия Ся Дуньи, а лишь безумно взревел на него и велел немедленно убираться!

Пробыв друзьями два года, Ся Дуньи прекрасно знал взбалмошный характер Тан Наньцзиня и понимал, что он сам, не умеющий красиво говорить, никак не сможет переубедить товарища. Поэтому он, не задерживаясь, торопливо покинул отдельный кабинет.

Выбежав из клуба, Ся Дуньи сразу же вернулся в школу и позвонил дяде Тану, сообщив тому, что Тан Наньцзинь, судя по всему, подсел на наркотики. Он также тактично выразил свое беспокойство по поводу состояния Тан Наньцзиня, надеясь, что дядя Тан как можно скорее примет меры и поможет парню избавиться от пагубной привычки.

Сделав всё это, Ся Дуньи все равно чувствовал тревогу и беспокойство на сердце. Особенно его задели слова дяди Тана — тяжелый вздох в трубке звучал так, будто мужчина разом постарел лет на десять-двадцать, режа слух до боли.

В конце концов он решил нарушить последнюю волю своего приемного отца, скончавшегося

всего год назад, и тайком подсадить Тан Наньцзиню гу, втайне надеясь избавить его от наркотической зависимости.

Однако он никак не ожидал, что в ту же ночь тайком отправится на заброшенные горы возле школы в поисках ядовитых насекомых для создания гу, а на обратном пути на дороге его напрямую собьет спорткар. Затем он взмыл в небеса и рухнул вниз, словно несезонный сухой лист, тяжело брякнувшись о землю, после чего был переехат тем самым спорткаром, который еще в полдень вез его в караоке-бар.

В тот момент до восемнадцатилетия Ся Дунъи оставалось всего полтора часа. Стоило лишь продержаться эти полтора часа, и он избежал бы «Т» — роковой фатальности из трех бедствий пути мастеров гу: «одинокости, нищеты и преждевременной смерти»!

Как же обидно было в прошлой жизни!

В этой жизни нужно извлечь урок, ни в коем случае не возвращаться к старому ремеслу и снова не угодить в это проклятие трех несчастий!

Стоило закрыть и снова открыть глаза, как Ся Дунъи переродился спустя пять тысяч лет на какой-то заброшенной планете. Слезши с кровати, он сделал глоток воды, взглянул на два багровых лунных диска в небе, невольно вспомнив события прошлой жизни, и тяжело вздохнул.

Ся Фэйи, спавшая с ним рядом, услышав шорох, потерла сонные глаза, выглянула из-под ватного одеяла и окликнула «младшего брата». Ся Дунъи тут же откликнулся, отставил в сторону ковш для воды, сделанный из тыквы-горлянки, вернулся на кровать и нырнул под одеяло.

Ся Фэйи к тому времени уже проснулась. Широко раскрытыми черными глазенками она уставилась на младшего брата, а затем растянула рот в улыбке, обнажив выбитые передние зубы, и улыбнулась Ся Дунъи, все еще выглядя немного сонной.

Поскольку планета Ольфи находилась на окраине звездной системы, даже в экваториальной зоне, где жили Ся Дунъи и его семья, теплая погода стояла всего три месяца в году, а в остальное время по ночам приходилось кутаться в ватные одеяла.

Ся Фэйи запахнула одеяло поплотнее на брате и с улыбкой произнесла: — Завтра на рынке мы сможем продать высушенные целебные травы. — Она перевернулась на другой бок и захлопала глазами, глядя на потолок: — Тогда ты поможешь мне выменять костяной нож, и я смогу ходить на охоту в лес!

— Нет! — Ся Дунъи высказал иное мнение: — Травы собирал в основном я, значит, костяной нож должен достаться мне, к тому же в доме мужчина — я!

— Но я старшая сестра! Младший брат должен слушаться сестру! — Ся Фэйи повернула лицо, сердито глянув на Ся Дунъи, а затем снова хихикнула. Вообще-то они с Ся Дунъи были двойняшками, и она родилась всего на десять минут раньше него. Но именно эти десять минут предрекли, что Ся Дунъи всю жизнь придется повиноваться ее приказам и терпеть ее «гнет», и одна эта мысль доставляла ей невероятное удовольствие.

Услышав хихиканье, Ся Дунъи сразу понял, что Ся Фэйи включила режим «глупенькой старшей сестры». Украдкой закатив глаза, он отвернулся, подставив Ся Дунъи свою худую, сутулую спину: — Скоро рассветет, давай поспим еще хоть немного, иначе завтра не хватит сил дойти до рынка!

Услышав это, Ся Фэйи тут же протянула сонные звуки, тоже повернулась и прижалась к брату спиной, мгновенно заснув крепким сном.

Поскольку мама Ся была слабого здоровья, а Ся Фэйи совершенно не умела обращаться с кухонной утварью, на следующий день едва забрезжил рассвет, Ся Дунъи уже поднялся с постели и, как обычно, приготовил еду, после чего разбудил маму Ся и Ся Фэйи.

За завтраком Ся Фэйи не удержала язык за зубами и проболталась о планах приобрести костяной нож, в результате чего, как и предсказывал Ся Дунъи, встретила решительный отказ со стороны мамы Ся.

Покончив с завтраком, мама Ся вывела главное богатство их семьи — низкорослое, но обладающее невероятно толстой шкурой нирского зверя (про себя Ся Дунъи называл его просто ослом со странными маленькими ушами, чья сила была не так уж велика, а мясо — далеко не деликатесным). Вдвоем с братом и сестрой они запрягли животное в телегу и водрузили на нее бамбуковые корзины, доверху набитые целебными травами.

Поскольку нирский зверь не мог выдержать слишком большой вес, брат и сестра уговорили маму Ся забраться в телегу, а сами пешком поплелись следом за медленно шагающим животным. Перевалив через два небольших холма, перейдя реку шириной пятнадцать-шестнадцать метров и миновав крошечную деревню, в полуденный час мать и двое детей из семьи Ся прибыли в Парк — крупнейшее селение в этих краях.

Ярмарки в Парке устраивали дважды в месяц: в начале и в середине.

На рынке Ся Фэйи, за которой неусыпно следила мать, так и не удалось выменять желанный костяной нож. Зато Ся Дунъи на деньги, скопленные сбором всякого мусора, купил небольшую железную лопатку — он собирался вернуться домой, расчистить клочок земли под экспериментальную грядку и попробовать самостоятельно вырастить целебные травы.

Планета Альфи была диким, нетронутым миром с крайне суровыми климатом и экологией. В её густых джунглях более девяноста процентов флоры и фауны были ядовиты. Сто лет назад Звёздная Федерация превратила эту планету в природную тюрьму, сослав сюда в качестве наказания огромные толпы предателей. Этих отступников пустили корни на Альфи и дали

потомство. Ся Дуный приходился им уже четвёртым поколением.

Из-за первородного греха, совершённого предками век назад, жители планеты Альфи долгое время подвергались дискриминации со стороны Звёздной Федерации: политические ограничения, экономические санкции и технологическая блокада стали для них обычным делом.

Звёздная Федерация даже запрещала космическим торговцам продавать семена сельскохозяйственных культур на планету Альфи, из-за чего обитателям этого дикого мира приходилось покупать продовольствие и овощи у купцов втридорога!

Притесняемым со всех сторон альфицам не оставалось ничего другого, как добывать пропитание в джунглях — рискуя жизнями, они отправлялись в чащу охотиться на свирепых зверей или искать ядовитые травы и яды, чтобы выменять их на самое необходимое для жизни.

Конечно, находились и такие, как семья Ся, которые сами выращивали лекарственные травы или держали домашний скот. Вот только парадокс: эти дикие животные и растения, росшие в джунглях с невероятной дикой силой, на генном уровне враждебны к человеку. Стоило людям начать регулярно бывать в каком-то месте, как местная флора и фауна чахли на глазах. При попытке же искусственного разведения вложенные усилия и получаемый в итоге урожай совершенно не соотносились друг с другом!

В прошлом году отец семейства Ся благодаря знакомству с другом, работавшим на торговом судне, нелегально проник на Туманную Планету — столичный мир той же системы, что и Альфи, — и устроился там посудомойщиком.

С уходом главного кормильца ни хрупкая матушка Ся, ни малолетние Ся Дуный с сестрой не могли и помыслить о том, чтобы идти в горы на охоту, поэтому им оставалось лишь распахивать клочок земли возле собственного дома и выращивать целебные травы.

К счастью, тот самый друг отца, А-Дун, оказался человеком весьма надёжным и регулярно передавал припасы для отца семейства, застрявшего на Туманной Планете, так что жизнь матери и детей протекала вполне сносно.

И всё же Ся Дуный отчаянно хотел попытаться вырастить травы, чьи целебные свойства ни в чём не уступали бы дикорастущим.

Вообще-то искусство гун происходило от шаманизма и было исторически связано с древней китайской медициной. В прошлой жизни приемный отец обучил Ся Дуный этому искусству, заставив выучить множество основ медицины. Более того, ради постижения секретов изготовления ядов из ползучих травы он освоил правила выращивания, сбора и сушки лекарственных растений.

Используя эти методы для обработки исконных трав с планеты Альфи, вполне удавалось

добиться того же результата. Вот только целебная сила культивируемых растений была до обидного слабой: даже при самом умелом сборе и сушке продать их удавалось лишь по смехотворно низкой цене.

От этого сердце Ся Дуный обливалось кровью за трудившуюся изо всех сил матушку Ся. В прошлой жизни он был сиротой, а приёмный отец, заменивший ему семью, скончался, когда парню исполнилось семнадцать. Поэтому появление в этой жизни таких близких и любящих людей, как папа, мама и малышка Ся Фэйи, казалось ему великим счастьем, которым он дорожил больше всего на свете.

Приобретя маленькую железную лопатку, матушка Ся повела детей в небольшую чайную передохнуть. Называлась она чайной, но больше всего там продавали различных закусок: из-за дороговизны чайного листа сам настой шёл плохо. У входа в заведение стоял огромный медный кувшин с кипячёной водой, остуженной до тёплого состояния. Хозяин не скупился: любой гость, сделавший заказ в чайной, мог сколько угодно и совершенно бесплатно наполнять чашки этой питьевой водой.

Едва переступив порог, Ся Фэйи с братом схватили чистые деревянные пиалы и побежали к входу занимать очередь за водой.

Там как раз сиротом сидели трое дюжих молодцов — грузчиков с торгового судна, которое регулярно прилетало на Альфи скупать травы. Ся Дуный уже неоднократно видел, как они заходили сюда перекусить лапшой. Троица занимала столик вплотную к медному кувшину. Ся Дуный скосил глаза и с неожиданным любопытством заметил, что лица у всех троих мрачнее тучи. Прислушавшись, он услышал их разговор: мужчины обсуждали, что жуки — злейший враг Звёздного Альянса — уже прорвали вторую линию обороны на севере, и на фронте дела обстоят из рук вон плохо. И надо же такому случиться, что их капитан, лишённый инстинкта самосохранения, всё равно рвётся на передовую в надежде сорвать куш!

Упомянув об этом, троица дружно покачала головами. Самый молодой из них воспользовался моментом и завёл разговор о совмем увольнении, однако двое остальных, хоть и выглядели угрюмо, неожиданно его не поддержали.

Возможно, из-за того, что в прошлой жизни он был мастером гун, стоило Ся Дуный услышать слово жуки, как его внимание тут же переключалось на говорящих. О жуках, о которых толковали здоровяки, он тоже знал: это была удивительная раса существ, способных бороздить космические просторы без помощи каких бы то ни было кораблей. Поскольку первые особи, с которыми столкнулось человечество в ходе прямого боестолкновения, напоминали насекомых, люди прозвали их жуками или межзвездными чужаками.

Жуки представляли собой невероятно свирепых тварей, алчных и кровожадных. Неисчислимые виды живых существ были полностью истреблены или пожраны ими по всей Вселенной, а множество прекрасных планет превратилось в мёртвые пустоши после их колониальных захватов. Но самым страшным их свойством было умение поглощать и копировать чужую ДНК. Стоило им встретить популяцию с более совершенным геномом, как они находили способ внедриться в неё и через высасывание спинномозговой жидкости дублировали чужую ДНК

ради собственного эволюционного скачка.

И теперь генетическим видом, который жуки жаждали заполучить больше всего на свете, оказались люди! Пятьсот лет назад, после первой встречи двух рас, между ними началась затяжная война, конца которой не было видно и по сей день.

А пресловутый первородный грех, возложенный на плечи жителей планеты Альфи, заключался в якобы имевшем место сговоре с жуками и предательстве всего человечества. Если бы не Звёздный Кодекс, строго запрещающий смертную казнь, ту первую партию отступников давно бы выбросили в открытый космос на гуманное уничтожение!

Однако избежать смерти ещё не значило избежать расплаты. Вина их была слишком тяжела, и расплачиваться за неё пришлось потомкам, ставшим так называемыми гражданами четвёртого сорта и изгнанными вольными поселенцами.

Именно поэтому, несмотря на все бесчинства и несправедливость, с которыми сталкивались альфийцы, никто из них не осмеливался открыто поднять голову и повести за собой людей против этого беспредела.

Если говорить начистоту, всё это из-за того, что предки не оставили после себя добрых дел!

Мысленно вздохнув, Ся Дуный подошёл к медному кувшину, наполнил пиалу водой больше чем наполовину и обернулся. Трое здоровяков к тому времени уже доели лапшу и вышли из чайной.

Ся Фэйи окликнула младшего брата, и Ся Дуный тут же поспешил к ней. Усевшись рядом с матушкой Ся, он послушно зацепил пальцами сладкое пирожное и поднёс к её губам.

На фермерских угодьях семьи Ся главным образом выращивали краснолистную тукву. Своё название она получила за то, что распускалась зелёными цветами, но листья, корни и стебли были точь-в-точь как у обычной туквы. Однако наибольшую ценность представляли именно листья краснолистной туквы в период цветения, когда они пылали багрянцем, подобно зареву. Чем краснее становились листья, тем сильнее возрастала их ядовитость и тем выше ценилась их лекарственная сила. Обычно заготовщики скупали их для производства медицинских анестетиков.

Прошло уже три месяца с предыдущей ярмарки, и всё это время Ся Дуный не оставлял попыток усовершенствовать агротехнику выращивания краснолистной туквы, надеясь добиться того, чтобы домашние растения ни в чём не уступали диким с их огненно-красными листьями.

Однако в ход шло абсолютно всё: и выведение саженцев, и гибридизация, и даже черенкование — а в результате получались лишь неудача за неудачей и ещё раз неудача!

Ся Дуный, прежде питавший столько самоуверенных надежд, наконец понял, что слишком легкомысленно подходил к делу. Поколения альфийцев столетиями не могли справиться с этой причудливой флорой, а он ведь не обладал никакими суперспособностями — с чего бы ему вдруг слёту решить такую сложную задачу?

Сорвав тоненькие, немощные бледно-розовые листья с зацветающего куста краснолистной туквы, Ся Дуный бросил их в маленький заплечный коробок. В этот момент он заметил идущую вдалеке сестру Ся Фэйи. Как и сам Ся Дуный, она была облачена в тускло-жёлтый полушубок, а голову венчала пушистая шапочка, полностью закрывавшая уши, из-за чего девочка напоминала новорождённого медвежонка.

В последнее время Ся Дуный львиную долю времени посвящал выращиванию туквы, и Ся Фэйи, бросив его, была вынуждена вместе с соседскими детьми ходить к самой кромке джунглей за дикими травами. Сегодня спозаранку, нагрузив короб и вооружившись перчатками и шапкой, она убежала в чащу и только сейчас возвращалась, сгибаясь под тяжестью полупустого короба и подпрыгивая на ходу.

Ся Дуный издалека наблюдал, как сестра приближается. Поморгав, он внезапно схватил Ся Фэйи за руку, утянул вниз, и оба они присели на корточки, укрывшись в зарослях краснолистной туквы, густых и высоких, как кукурузное поле.

— Чего это ты снова удумал? — привычная к выходкам брата Ся Фэйи, стоило ей оказаться на земле, сразу сообразила, что её младший братец вновь замышляет какую-то пакость, чтобы поиздеваться над ней! Впрочем, она и сама не прочь была пощекотать себе нервы, так что, хотя с губ и срывались жалобы, её широко раскрытые яркие глаза выдавали истинное волнение.

Ся Дуный откинул в сторону листок, упавшийся ему прямо в шею, и потёр руки:

— Хочу сходить в джунгли, посмотреть на дикую краснолистную тукву.

Услышав предложение брата отправиться в самую чащу, Ся Фэйи вспыхнула от возбуждения, но тут же поспешила принять невозмутимый вид:

— С чего бы это? Если тебе нужны дикие травы, попроси дядю Мэн и остальных — ради меня и папы они наверняка помогут.

Семья Ся жила в котловине, со всех сторон окружённой горами, где ютилось с полсотни разрозненных дворов.

<http://bllate.org/book/21213/2146821>